№529
730

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

Л629 730

В. САЯНОВ

НА ПОЛЯХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ—1945

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

1529
730

В. САЯНОВ

НА ПОЛЯХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны
Ленинград—1945

203

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
М
823359

УТРО ПЕРВОГО БОЯ

Медленно всходило солнце над снежными полями. Над широким простором плыла предрассветная мгла, расходились дымные клочья тумана. Наступало утро первого боя. На узкой полоске земли между нашим передним краем и передним краем врага было тихо. Разрытое снарядами и минами, черное от пороховой гари снежное поле, делившее наши и немецкие окопы, было хорошо знакомо бойцам. Отсюда уходили в зимние метельные дни и в летние белые ночи снайперы, выслеживавшие немцев. Здесь гремели выстрелы мести.

Вот он, район Пулкова, направление главного удара наших войск.

Когда яростный гул канонады поплыл над бескрайним простором, передовые отделения гвардейцев ринулись через снежное поле к немецким траншеям. Сразу заговорили немецкие пулеметы, застрекотали очереди автоматов, закашлял «Иван Иванович» (так называют бойцы немецкий шестиствольный миномет).

Стремительно нарастала атака. Всего несколько минут прошло, а имена отличившихся уже становились известны во взводах и ротах. Героев славила тысячеустая солдатская молва, уже шли в штаб донесения об их первых подвигах. Капитан Голиков все время был впереди. Его подразделение уверенно вгрызалось в глубь немецкой обороны.

Сержант Дарджаев, которого товарищи называли «старичком», с четырьмя автоматчиками взбирается на танк. Быстро мчится тяжелая машина по снегу. Дзоты ведут огонь по наступающим. Дарджаев показывает танкистам цели. Один дзот уничтожен... Второй... Третий... Четвертый... Падают на снег убитые немцы...

А о гвардии рядовом Арачакове уже говорит весь полк. Его неизменно видят на самых трудных боевых участках. Со своим станковым пулеметом он все время идет впереди. Вот залег, открыл огонь, проложил на несколько десятков метров дорогу пехоте... Немецкий станковый пулемет пытается отстреливаться, — Арачаков подавил и его. Разрывом мины разбит пулемет Арачакова. Арачаков берет автомат, выроненный тяжело раненным бойцом, и врывается в немецкую траншею. Немец-пулеметчик ведет огонь. Арачаков сражает немца. Взятый в бою ручной немецкий пулемет Арачаков повертывает в другую сторону, расстреливая фрицев. Ярость боя живет в его груди, зовет на подвиг.

— Братцы, вперед! — кричит Арачаков, и бегут вслед за ним пехотинцы.

Все новые и новые подвиги совершают гвардейцы. Четыре ряда траншей уже пройдены... Прорвана линия вражеской обороны... Немецкого переднего края больше нет! Лейтенант Ефимов с семью разведчиками захватывает немецкую землянку. Много фрицев в этой землянке, но ни одному из них не удается уйти живым. В глубине немецкой обороны уже начинают хозяйничать наши пехотинцы и танкисты.

Заря сменяет зарю, и утро нового дня снова начинается нашим наступлением.

Бойцы вышли к березовой рощице на высотке. Тонкие, высокие русские березки звенели на январском ветру. Здесь, на высотке, было логово врага — штаб артиллерийского полка, дальнобойные орудия которого вели огонь по Ленинграду. Немецкие артиллеристы пытались взорвать орудия. Но было уже поздно. Танки зашли с тыла. Немцы бросились к мотоциклам. Танкисты и автоматчики открыли огонь и преградили отход гитлеровцам. Рядовой Чистяков и его товарищи-автоматчики уничтожили удиравших немцев, захватили мотоциклы.

Но главными трофеями были оставленные немцами тяжелые орудия. Дула их были направлены на Ленинград. Отсюда немецкие звери вели огонь по городским окраинам, по центру, по школам, по больницам. Сколько русских людей было убито и искалечено прислугой этих батарей!.. Теперь застывали на ветру трупы убийц. Отомщена часть пролитой ленинградцами крови, но это только начало, главный расчет — впереди!

уложены в укрытиях.

Бойцы на мгновение задерживаются, внимательно осматривают немецкие орудия. Больше уже никогда не будут эти орудия вести огонь по Невскому и Садовой, Измайловскому и Большому.

Бойцы, шедшие в бой с противотанковыми ружьями, бросаются к пушкам. Дерзкий план созрел одновременно у нескольких воинов. Лейтенанты Байрамов, Саенко, Пособляев, сержант Миниахметов, рядовые Смирнов, Богаудинов, ленинградец Кузьмин поворачивают дула орудий в другую сторону, в сторону немцев. Не меньше 200 снарядов выпустили они по тылам и коммуникациям врага.

И снова вперед уходят воины Ленинграда. И весь день боя полон незабываемыми эпизодами стремительных схваток, мгновенных ударов, яростных стычек, когда все пускается в ход, чтобы сразить врага: и противотанковое ружье, и родная трехлинейная винтовка, и даже диск от ручного пулемета, неожиданно выручающий в рукопашной схватке.

И вновь облетают боевые полки рассказы о героях. Рассказывают о бойце, которому перед самым боем принесли письмо из родных мест, извещавшее о том, что мать его повешена немцами. Этого бойца многие видели на поле боя, — при штурме траншей, во время перебежки по снежному полю, в атаке, в яростной перестрелке с врагом. Он был всюду — о нем, как о былинном богатыре, летела молва из батальона в батальон. Он был убит к исходу дня, в штыковой схватке с контратакующим врагом, а рядом валялось десять немцев, заколотых им в последней, предсмертной схватке.

Прорвана немецкая оборона, разбито железное кольцо, сжимавшее наш великий город! Скоро отдохнет израненная, исстрадавшаяся ленинградская земля. Бой уходит из этих мест. Район Пулкова становится тылом. Оглядываясь назад, я уже не могу разглядеть в морозной дымке очертания Пулковских высот.

★

В ДНИ ПОБЕДЫ

Вдалеке показались Дудергофские высоты, и в бинокль стали ясно различимы знакомые строения Красного Села.

Широко перед нами раскинулось поле боя. Вот мы уже на окраине Красного Села. Минометчики только что заняли огневые позиции и сразу же открыли огонь по врагу.

Скупой на похвалы, все испытавший, все перенесший пехотинец, требующий многого от боевого товарища, знающий цену истинному мужеству, пробегая мимо минометчиков, громко говорит:

— Спасибо, хорошо работаете, крепко беретесь...

Бой за Красное Село все разгорается.

Только что по снежному полю пробежали гуськом удирающие немцы. Но смертники все еще сидят в домах, в дзотах, непрерывно ведут огонь. В бой врываются наши танки. С грозным гулом проходят они по улицам Красного Села. На танках — десанты автоматчиков. Вот проносится танк, носящий имя Федора Дудко. Названия других не разобрать — так много на танках автоматчиков в белых халатах, что весь танк кажется обтянутым белым чехлом. Еще несколько мгновений — и автоматчики начнут бой, выбивая немчуру из домов и дзотов. Строги лица людей. Воля собрана, напряжена до предела. В последнюю минуту на ходу проверяют автоматы. Великая битва зовет!

Отходя, немцы поджигают дома. Все больше и больше очагов пожаров в Красном Селе. По склонам высотки, по черному от пороховой гари снегу, идут в атаку небольшими группами пехотинцы.

Грохот нарастает. Совсем близко проносится над нами «Мессершмитт», так низко, что огромными кажутся хвостатые змеи свастики. Это — единственный немецкий самолет, который мы видим над полем боя.

сками, над которыми плывут клубы дыма, с опаленными высотками, с охваченными пламенем домами, с красными следами трассирующих пуль, с грохотом орудийных выстрелов, с ревом идущих в атаку танков, с раскатом многоголосого русского «ура», с неумолчным стрекотом пулеметных очередей.

Пламя над Красным Селом становится сильней и постепенно сливается в одно огромное зарево.

Ведут пленных. На мгновение наступает тишина. Это — пауза в бою. И вот уходят вперед тягачи, ревут гудки грузовиков. Батареи меняют огневые позиции, танки идут вперед.

И уже герои-красносельцы узнают о славной победе в Ропше.

В бою не поют песен. В бой идут, стиснув зубы, крепко сжимая оружие. Но близко время, когда сложат песни об этой битве, и парадом пройдут по улицам Ропши и Красного Села победители.

Счастлив тот, кто дрался в этом бою: слава осенила его над истерзанными, охваченными пламенем, родными полями исконной русской земли.

Грузовая машина мчит нас обратно в Ленинград. Торопимся — ведь мы везем в редакцию фронтовой газеты материал о славной Красносельской победе. Город затемнен. На перекрестке машина останавливается. Видим людей у репродуктора, слышим громкий и отчетливый голос диктора. С волнением вслушиваются ленинградцы в каждое слово приказа великого Сталина. На митингах в цехах старых ленинградских заводов с огромным воодушевлением принимаются приветствия товарищам Сталину и Жданову.

На приказ Верховного Главнокомандующего воины Ленинградского фронта отвечают новыми геройскими подвигами. Все стремительней становится темп наступления. Гвардейцы-большевики Михаил Кузнецов, Баранов, сержант Анатолий Кушков, пулеметчик Александр Типанов на разных участках наступления грудью прикрывают амбразуры вражеских дзотов, мешающих продвижению наших частей. Герой Советского Союза летчик Евтеев, выручая в бою товарища, сбивает вражеский самолет «Мессершмитт» (бойцы презрительно называют этот самолет «мусором»). Горят немецкие танки — «тигры» и «пан-

ских трупов устилают русские снега.

Красный флаг развевается над отвоеванными от врага городами. И широк простор фронтовых дорог, уходящих все дальше на юг и на запад.

Над старым передним краем теперь небывалая тишина. Там, где недавно пройти в полный рост значило рисковать жизнью, — теперь спокойно и тихо, как в самом глубоком тылу. И следов на снегу почти не видно, и выстрелов не слышно, отдыхает истерзанная земля после двухлетней непрерывной боевой страды. Боец, знающий эти места с первых дней блокады, с радостной улыбкой всматривается в мглистую даль. Он видит знакомые, памятные места жарких боев. Проволока перед немецким передним краем, минные поля, противотанковые рвы с высокими эскарпами, бугры дзотов и дотов, — все эти немецкие укрепления он сам разведывал когда-то. Много тут было у немцев огня, большая была тут у них сила. А теперь грозные укрепления врага стали грудой развалин, кладбищем металла, и торчат из-под снега сведенные судорогой смерти руки немецких солдат.

— Вчера ночью в последний раз кашляли его батареи, — говорит мне боец, — десять снарядов послали. И с тех пор — уже ничего. В сегодняшнюю ночь тихо было, в первый раз я слышал, как проволока на ветру звенит...

Едем по месту недавних боев. Каким тихим стало и это поле, на котором еще два дня тому назад мы видели передовые цепи наступающих стрелков. Трупы немцев с лицами, повернутыми на запад, как вехи лежат на нашем пути. По этим немецким трупам, по обломкам немецких машин, по грудам развороченного металла можно, как по страницам книги, прочесть повесть отгремевшего боя.

Под ураганным огнем едем в Кипень и Русское Высоцкое, где только что произошло соединение частей, наступающих от Пулкова, с частями, идущими из района южнее Ораниенбаума.

С волнением рассказывает об этом незабываемом событии бравший Кипень лейтенант Вересов. Радостна была встреча пехотинцев и танкистов. И разноцветные ракеты, которые пустили в дымное небо январской ночи победители, не забыть никогда!

Один из участников боя за Кипень образно сказал:

— К той петле, которую Ленинградский фронт вокруг

немцу огнем, не прогрызть зубами...

В окружавшем деревню лесу еще сидели немецкие снайперы и автоматчики. Но уже выходили к опушке леса танкисты, уже били по немцам минометы, уже непрерывно дымились дула пулеметов. Наступление продолжалось.

Мы встретили на дороге первых жителей, спасшихся из немецкого плена. А на перекрестке дорог, неподалеку от развороченных снарядом немецких штабных машин, стоял сожженный нашими танкистами «тигр», и рядом с грузовой машины свешивалось пять изуродованных, наполовину обгоревших немецких трупов.

— Эти уже больше пакостить не могут, вреда не принесут. Скоро мы к ним вдогонку всех оккупантов пошлем, — тихо говорит боец. — Значит, больше не будут бить по Ленинграду немецкие пушки. Знаете, на войне ко всему привыкаешь, но на детей, изуродованных немцами, без слез смотреть не могу... Ведь у меня самого семья под Кингисеппом...

Боец закуривает, стряхивает снег с маскхалата и твердыми, быстрыми шагами уходит вперед.

После того как было взято Красное Село, наши танкисты готовили широкий прорыв. Нужно было разминировать минные немецкие поля, открыть дорогу буре танковой атаки. Старший сержант Карпухин делал этот проход. Немцы ранили сапера. Но Карпухин не ушел до тех пор, пока проход не был сделан. И когда танки ринулись вперед, рассеивая и истребляя врага, Карпухин с радостью почувствовал, что именно его скромному и рядовому подвигу обязаны своим успехом танкисты.

В Русском Высоцком мы встретились с танковым десантом лейтенанта Спиридонова. В эту деревню танки ворвались внезапно. Не ожидавшие нападения фрицы стали выбегать из домов, когда танки были уже на шоссе. Меткими очередями из автоматов десантники сражали немцев. Кое-где немцы открыли ответный огонь. Был ранен в руку находившийся на танке боец Шарапов. Продолжая вести огонь по врагу, Шарапов убил ранившего его немца. Быстро был завершен бой. Танки ушли дальше, а на охране Русского Высоцкого остались бойцы Спиридонова.

Десантники быстро обошли всю деревню, обыскали каждый дом, каждый подвал. По деревне разносились веселые крики бойцов, сообщавших своим товарищам

о новых находках. То где-то в соломе был отыскан [illegible]
шийся туда со страху фриц, то в бочке из-под капусты
нашли гитлеровского «гренадера».

А в этот день на Дворцовой Площади в Ленинграде
люди толпились возле выставленных трофейных орудий.
Это были орудия, бившие по Ленинграду, несшие смерть
в наш город, разбившие и искалечившие столько жизней.
Недвижно они стояли теперь на старой площади русских
военных парадов.

МАСТЕРА ПРЯМОЙ НАВОДКИ

I

В январскую ночь 1944 года командир противотанковой пушки сержант Морозов ходил по лесу и зорко вглядывался в искрившуюся яркими вспышками ракет туманную даль. У немцев было тихо, тихо было и на нашем переднем крае. С балтийского взморья дул порывистый ветер, раскачивая искалеченные осколками снарядов вековые сосны. Где-то на фланге изредка постреливал немецкий пулемет, бил, должно быть, наугад, не по цели, а то, может быть, просто прогревали его фрицы, чтобы не застыл на морозе.

Много уже месяцев стоял расчет Тимофея Морозова в этих прибрежных местах. В дни осеннего наступления 1941 года немцам не удалось прорваться к Ораниенбауму, — крепко держали оборону балтийского взморья наши войска. Немецкие части вышли к заливу восточней — у Лигова, Стрельны, Петергофа. А за Лиговом уже держали оборону войска Ленинградского фронта, и все расположение немцев, когда изучал его Морозов на карте, казалось ему телом огромной змеи, ползущей к Кронштадту.

Перед тем, как вернуться в землянку, Морозов еще раз оглядел свою любимую пушку. Это была хорошая пушка, добротно сделанная на большом советском заводе, и с Морозовым она поработала на славу — в одних только синявинских боях прошлого года шестнадцать дней подряд вела огонь по врагу. Погладив ствол пушки, Морозов прошел к коням. Серый жеребец «Сом» весело заржал, мотнула головой белая кобыла «Майна». Кони были здоровые, крепкие, не раз тащили пушку по бездорожью, по грязи, по снегу. За время службы своей на батарее, они привыкли ко всем людям расчета, а уж под огнем вели

себя и вовсе хорошо — это были настоящие боевые, обстрелянные кони. Молодой, но обстоятельный и строгий командир Морозов был доволен своим хозяйством. Походив еще немного по лесу, он вернулся в землянку.

Все люди расчета были на месте. Они освободили место возле печки для своего командира, свернули самокрутки, и снова завязалась неторопливая солдатская беседа. Полюбил Морозов за время боев своих артиллеристов. Многое было пережито вместе, многое еще предстояло испытать...

Командиру орудия Тимофею Ивановичу Морозову шел двадцать второй год. Он был самый высокий и сильный из всего расчета. Иногда, в свободное время, чтобы согреться на морозе, боевые товарищи затевали борьбу — и Морозов всех перебарывал. Впрочем, и остальные шесть его подчиненных были людьми силы изрядной; физически слабому человеку трудно было бы в этом расчете — такой пушку на себе не потащит.

Морозов прислушался к разговору бойцов. Говорил наводчик Дунаев, перелистывая страницы какой-то брошюры. Обычно веселое лицо наводчика, освещенное слабым огоньком коптилки, казалось теперь суровым и строгим. Дунаева слушали внимательно. Морозов оглядел бойцов. Вот сидит в углу замковый, казах Саймагомбетов. Скуластое его лицо неподвижно, только морщина сошлась на смуглом широком лбу. Заряжающий Стариков слушает с закрытыми глазами. Первый ящичный Клашко, маленький, сутулый, уже немолодой, покачивает головой. Второй ящичный Бураков, и ездовой Полекушин лежат в углу.

— Тут все описано, — тихо и строго говорил Дунаев. — В этой книжке точно сказано о том, как семью мою погубили немцы, как убили товарищей, с которыми я бежал из родного Демянска, когда немцы там были. В первый раз меня тогда ранили немцы...

— У нас на Украине немец тоже кровь льет, — отозвался Клашко. — Да что тут говорить: у нашего-то командира немцы старика-отца убили.

Морозов тоже хотел вступить в разговор, но кто-то тихо кашлянул у входа в землянку:

— Сержанта Морозова командир взвода вызывает...

Бойцы переглянулись: неспроста вызывают Морозова в такое позднее время. Не придется ли скоро вступать в бой? Морозов еще раз оглядел своих бойцов и, обдернув полушубок, вышел из землянки.

Разговор как-то сам собой оборвался, бойцы сидели тихо, прислушиваясь к скрипу валенок по снегу. Всего прошло несколько минут, и в землянку вернулся Морозов.

— Что нового скажете, товарищ сержант? — спросил нетерпеливый ездовой Полекушин.

— Собираться надо, — сказал Морозов. — Лейтенант Раков приказал оборудовать огневую позицию на переднем крае. Место точно указано. Опять идем на прямую наводку.

Все заторопились и через несколько минут уже подошли к поляне. Здесь они работали всю ночь, не разгибая спины. Когда немец посылал ракеты, ложились на снег, чтобы враг не приметил. Лопаты, звеня, вгрызались в землю, железо шаркало о камень. К утру удалось сделать все — и площадку расчистили для орудия, и укрытие сделали для расчета. Днем немного отдохнули, а в ночь на тринадцатое января потащили пушку на огневую позицию. Трудным был этот путь! Вели к переднему краю только узкие пешеходные тропы, да и те шли по болоту. А дальше еще труднее стало — начиналась за болотом гора. Снег глубокий был в эту зиму, никак не могли сдвинуть пушку с места сильные кони. Пришлось взяться за лопаты, расчищать снег, чтобы хоть до подножья горы подтащить пушку на конной тяге.

— Снимайте ремни! — приказал Морозов.

Сняли артиллеристы ремни. Сделали из них большую крепкую лямку, потом прицепили эту лямку к передку и потащили пушку в гору.

Стояла темная ночь, и радовались артиллеристы: ведь, если бы заметили немцы, что противотанковую пушку подтаскивают к переднему краю, поняли бы сразу, что неспроста это делается.

Скользким был подъем в гору. То и дело казалось, что оборвется лямка и покатится пушка вниз, — много хлопот тогда будет, за ночь никак не управиться... Вот уж и рассвет близится, чуть синеет узкая полоска на востоке, за Стрельною, за Лиговом, за Ленинградом...

— Скорее, скорее, — торопил Морозов бойцов, и сам, низко пригибаясь к земле, крепко упираясь ногами в плотный, слежавшийся снег, тянул плечом самодельную лямку.

Огневая позиция для пушки была выбрана очень хорошо. Правда, не было здесь никакого укрытия, — ровную, гладкую поляну на вершине горы немцы хорошо могли разглядеть со своего переднего края. Зато и у Морозова

был хороший обзор с этой вершины, весь немецкий передний край был как на ладони.

— Маскхалаты лишние есть? — спросил Морозов.

— Принес, — ответил Дунаев. — Сейчас наденем!

И начал он накидывать на пушку белые маскхалаты, — когда рассветет, не заметят немцы пушку, издали она будет сливаться со снегами, не бугорком, а сугробом покажется, а мало ли сугробов намело на горе за эту метельную зиму.

И вот уже все готово. Подтащили к пушке ящики с боеприпасами, а сами ушли в укрытие — стали ждать утра...

2

Медленно рассветало. Пехотинцы, сидевшие в траншее, не раз поглядывали на пушку Морозова: она стояла рядом с ними, и ствол ее, устремленный к немецкому переднему краю, смотрел через траншею.

Все с волнением ожидали рассвета. Проведенные приготовления породили уверенность, что утром должно начаться долгожданное наступление, решающий, победный бой за Ленинград. Обо всем уже переговорено, все слова сказаны. Люди отдыхали перед трудным боевым днем. Морозов с Дунаевым еще и еще раз выползали вперед, разглядывая цели, которые им приказано поразить. Посмотрит на эти цели необстрелянный человек и ничего не заметит, — сольются они для него на широком полевом просторе с белым наплывом снегов, бугорками или сугробами покажутся. Но Морозов знал, что это два мощных немецких дзота. Морозов должен их поразить, чтобы смогла ринуться вперед пехота.

И как только загремели первые выстрелы, и тысячи вспышек наших тяжелых орудий слились над застывшими, искалеченными лесами в одно огромное, все ярче и ярче разгорающееся зарево, — пушка прямой наводки повела огонь по врагу.

Пятью выстрелами был разрушен первый дзот, взметнулось над ним пламя, черными клубами заклубился дым.

Только хотел Морозов перенести огонь на второй дзот, как разорвался неподалеку от пушки немецкий снаряд. Качнулся наводчик Дунаев, рукою схватился за лицо.

— Что с тобой? — спросил Морозов, подбегая к верному боевому другу.

Ничего не мог сказать в ответ Дунаев, а когда отнял руку от лица, увидел Морозов, что лицо наводчика, и маскхалат его, и руки — в крови. Ранило Дунаева осколком. И все-таки не покидал Дунаев своего поста...

— Иди на перевязку!.. — приказал Морозов. — Ты же на цель навести пушку как следует не сможешь...

Опустил голову Дунаев, пошел на перевязку. Не мог он говорить, а многое хотелось ему сказать в эту минуту...

Тремя выстрелами уничтожил Морозов второй дзот. К этому времени закончилась артподготовка, и стремительно ринулась вперед пехота. Опустели траншеи, тихо стало на недавно еще многолюдной горе. Огрызался немец минометами, но не смог задержать наступавшую русскую пехоту.

Перекатывались по снежному полю слова команды, громкие голоса пехотинцев. Стрекотали пулеметные очереди; из траншей, из укрытий, из-за снежных сугробов, из-за бугров и валунов, — отовсюду выбегали люди в полушубках и ушанках, обгоняли друг друга, спотыкались на бегу и снова подымались, не чувствовали, как студеный ветер сек их разгоряченные лица, не слышали свиста пуль и воя пролетавших над полем мин. С каждой минутой нарастала ярость атаки. Предельное напряжение боя, ведшее вперед атакующих пехотинцев, передалось расчету прямой наводки, стоявшему еще у опустевшей траншеи.

— Аа... аа... — простонал онемевший Дунаев, показывая рукой на пехотинцев, уже ворвавшихся в немецкие траншеи.

Кровь проступила сквозь марлевую повязку, лицо было полно напряжения, но с такой яростью он накинул на свое плечо лямку, так сильно рванулся вперед, что, казалось, всю боль свою и всю силу ненависти своей вложил он в этот отчаянный рывок.

Семь человек и два коня тащили пушку по глубокому снегу. Пехотинцы уже выбирались из захваченных немецких траншей и устремлялись в глубь вражеской обороны. Над полем непрерывно рвались мины. Чем дальше, тем труднее был путь. Только выбрались из глубокого снега на черную разрытую разрывами снарядов землю, как начали попадаться воронки, а дальше пошли и канавы, и немецкие траншеи, и окопы, и ямы, и овражки, и пригорки, — а ведь надо было не только тащить пушку, но и устанавливать ее на огневой позиции, вести огонь по немцам, непрерывно наблюдать за отходящими группами врага.

Перевалили через траншеи, и вдруг кони шарахнулись в сторону: рядом разорвалась мина. Во все стороны, взметая снег и разбрасывая комья земли, полетели осколки. Морозов почувствовал, что спину ожгло чем-то, кольнуло больно, но через мгновение забыл о боли: снова завязла пушка в воронке.

— Товарищ командир! — крикнул Стариков, бросая лямку. — Да вы же ранены...

Пришлось останавливаться, делать перевязку. И вот ведь как бывает в бою: пока шел, боли не чувствовал. А стоило только остановиться для перевязки — и сразу заныла спина. Перевязал Стариков командира, снова тронулась вперед пушка, и еще хуже стало Морозову. Ноги сразу стали тяжелыми, словно гирю к ним привязали.

— Как же теперь ходить будете? — спросил кто-то из бойцов. — Не лучше ли в тыл уйти?

— Палку бы лучше мне достали, — зло ответил Морозов. — Будет палка — пойду.

Под разрывами мин Бураков пошел по полю искать палку и вскоре вернулся с трофеем: нашел брошенную бежавшим немцем лыжную палку. И тронулся дальше по снежному полю орудийный расчет Морозова... Спотыкались усталые кони, еле шли измученные люди, молча поправлял повязку на лице Дунаев, опираясь на палку, шел раненный в спину Морозов.

3

Вот и первые населенные пункты, отбитые у врага. Молча обходят бойцы печальные пепелища: Скоро начнет смеркаться. Разведчики уже подошли к Гостилицам. Пехота задержалась, залегла на снегу. Бьют крупнокалиберные пулеметы врага. Где-то неподалеку новые немецкие дзоты.

Перелесок встает преградой на пути наступающих. Немцы построили дзоты на опушке. Но как распознать, где расположены дзоты? Всюду снег, ветки, кусты, деревья, хоть часами разглядывай их и не приметишь узких амбразур.

— Надо подойти поближе к огоньку, — говорит Морозов.

Пушка движется к перелеску. Немцы стреляют из обоих дзотов.

[illegible] Глядите-ка, вспышки! — возбужденно кричит Бураков.

Пушка разворачивается. Заряжающий Стариков закладывает снаряд. Морозов ведет огонь по дзотам. Над местом, где только что блеснули вспышки, раскатывается грохот взрыва. Еще два немецких дзота уничтожила пушка прямой наводкой. Артиллеристы бросаются вперед к разрушенным огневым точкам врага. На черной, опаленной взрывом земле обломки перемешались с ветками, кустами, стволами деревьев. Ходы сообщения и траншеи уходят от дзотов в глубь леса. Но никому из находившихся в дзоте немцев не удалось бежать, — их коченеющие трупы лежат на окровавленном и почерневшем от гари снегу. Никто не стреляет из леса. Между деревьями мелькают полушубки и маскхалаты идущих вперед пехотинцев. Быстро смеркается. Дунаев идет из последних сил. Он уже не может закрыть рта. Это замечает Морозов.

— Отправиться в тыл! — приказывает Морозов. — Здесь тебе оставаться немыслимо.

Дунаев сначала не соглашается.

— Пойдешь! — приказывает Морозов. — А о прочем не думай. Немца бить будем крепко. За тебя и за себя буду драться, за обоих буду мстить врагу.

Дунаев нерешительно топчется на месте, машет рукой, уходит, низко опустив голову. Ласковым и заботливым взглядом провожает Морозов любимого боевого товарища. О многом хотелось бы сказать, да разве об этом скажешь в бою? Движется пушка по лесу к Гостилицам, но теперь ее тянут шесть человек.

— Прощай, друг! — кричит Морозов вслед Дунаеву.

Дунаев останавливается, оглядывается.

«До свиданья» хочет ответить он и снова вспоминает, что не может говорить. «Ничего, сделают операцию, вылечат, а там снова на фронт». И проходя по полю недавнего боя, над которым уже густеет темнота зимней ночи, наклонившись, он примечает на снегу следы колес любимой пушки...

Ночью заняли Гостилицы. Пехота закрепилась на окраинах разоренной немцами деревни. Командование приказало Морозову прикрывать стык с соседями. Морозов выкатил пушку к развилке дорог.

Бойцы сидели на снегу, никто не мог заснуть, так сильно было напряжение боя.

На рассвете немцы пошли в контратаку. Четыре танка

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

выползли из леса, стреляя на ходу, ринулись к дороге. За ними бежали мелкими группами немецкие солдаты. Подойдя к дороге, танки рассредоточились. Артиллеристы соседней части открыли огонь по танкам. Тогда немецкая пехота бросилась к позиции, которую прикрывала пушка Морозова. Морозов отчетливо видел возбужденные, пьяные лица немецких солдат, слышал грубые, булькающие звуки немецкой речи. Трудно было сосчитать, сколько немцев бежит к пушке. На-глаз Морозов определил, что их человек семьдесят. В эти трудные минуты Морозов рассудительно решил, что одними снарядами от атакующей немецкой пехоты не отобьешься. А отбиться надо во что бы то ни стало! Ведь стоит только немцам просочиться в стык, — и они обойдут часть с фланга, большой кровью придется тогда расплачиваться нашей пехоте за промах артиллеристов.

— У пушки справимся мы вдвоем со Стариковым, — сказал Морозов, — а остальных на время сделаем пехотинцами.

Саймагомбетов, Клашко, Бураков и Полекушин залегли с автоматами за кустами, а Морозов со Стариковым, подпустив поближе контратакующих немцев, начали расстреливать их картечью. Первым же снарядом удалось накрыть немчуру. Попадали на снег убитые, истошно закричал раненый немец, наводя страх на остальных. А четыре автомата тоже вели огонь по врагу, и вскоре захлебнулась немецкая контратака. Из-за леса бросились за убегающими немцами наши пехотинцы. Хотелось артиллеристам тоже вступить в рукопашную схватку с врагом, да нельзя отходить от пушки в бою. И снова потащил пушку расчет Тимофея Морозова.

По дороге шли долго, не встречая сопротивления, а под вечер подошли к населенному пункту и стали закрепляться в нем на ночь. Только выбрали огневую позицию для пушки, как вдруг загрохотали гусеницы немецкого танка, загремели выстрелы, — немцы снова шли в контратаку.

Морозов смело вступил в бой и первыми же снарядами попал в мотор немецкого танка. Двое немцев подняли люк, спрыгнули на снег и убежали, а водитель был, должно быть, убит, и танк пошел дальше, никем не управляемый. Трудно было угадать, куда пойдет движущийся танк, предоставленный собственной воле, и Морозов не мог сдержать улыбки, видя как беспомощно движется по дороге огромная боевая машина врага. Но вот танк свернул

захватившие в плен обоих удиравших танкистов. Еще несколько десятков метров прошел танк, потом забрался на брошенную немцами землянку и остановился. Так как бой еще продолжался, рискованно было оставлять на поле подбитый немецкий танк: в него могли забраться «кукушки» врага. Морозов выкатил пушку метров на пятьдесят и двумя выстрелами зажег танк.

Сменили огневую позицию, вырыли в снегу ячейки для расчета, стали отдыхать. Это был первый отдых после двух суток боев.

Морозов вздремнул ненадолго. Танк все еще горел и освещал подступы к нашим позициям. Стариков стоял возле пушки, — Морозов с вечера поставил его наблюдателем.

— Ну, как? — спросил Морозов. — Чего ждать нужно?

— Обязательно немцы в контратаку попрут! Сами посудите: ведь уже восемь километров прошли мы по отвоеванной земле! Жалко им, небось, отходить было!

И точно! — в половине второго ночи поперли немцы в контратаку. Первым их заметил Стариков.

— К орудию! — крикнул он.

Бойцы бросились к пушке, а Морозов вынул ракетницу, выстрелил вверх осветительной ракетой, и сразу увидели артиллеристы бегущих по полю немцев. И на этот раз Морозов бил по немцам картечью. Потеряв человек двадцать пять убитыми, немцы разбежались.

Недолго отдыхали артиллеристы. В семь часов утра немцы снова пошли в контратаку, на этот раз силами до двух рот. И эти две роты были рассеяны. Вскоре наши части двинулись вперед — на штурм опорного пункта немцев под Дятлицами. По дороге осколком снаряда был тяжело ранен ездовой Полекушин. Отвезли его в тыл санитары, а пушка двигалась все вперед и вперед, отвоевывая от врага родную землю.

4

Был у немцев под Дятлицами мощный опорный пункт. На картах назван он «Скотный двор». На всю жизнь запомнил Морозов эти места. Самые жаркие бои вел он у «Скотного двора» и под Дятлицами. Батальон наступал на «Скотный двор» по болоту. Потащил, было, по кочкам Морозов свою пушку, да ничего не вышло, стали вязнуть колеса в трясине. Решил тогда Морозов зайти немцам во

лопом, расчет за ними бегом. Только выехали за поворот дороги, как немцы встретили их пулеметным огнем. Жеребец «Сом» вдруг заржал, упал на землю, потом сделал усилие, поднялся и снова побежал по дороге, а кровь текла по его серой спине. Морозов остановил коней. Быстро развернули орудие, схватили с передков, открыли огонь по врагу. А немецкие пули посвистывали все чаще. Упал на снег Саймагомбетов, — ранило его в левую ногу. Как только немцы оттащили назад пулеметы, Морозов подошел к Саймагомбетову, сделал ему перевязку.

— Ничего, брат, скоро снова на фронт вернешься, — утешал Саймагомбетова командир.

— Болит очень, не дойти мне до медицинского пункта, — ответил Саймагомбетов, тщетно пытаясь подняться с земли.

— Мы тебе враз все приспособим, как барин поедешь, — отозвался неунывающий Бураков.

Приволок он лодку, уложил в нее Саймагомбетова, привязал лодку к упряжке, дал в руки казаху самодельные вожжи. И повез раненый «Сом» раненого бойца в тыл, на пункт медицинской помощи...

Открыв огонь по немцам с фланга, Морозов сразу уничтожил немецкий миномет и три пулемета, и тем самым расчистил путь нашей наступающей пехоте. Пехотинцы тем временем зашли в тыл фашистам и стали уничтожать окруженную немецкую часть. Трупов четыреста оставили тогда немцы на «Скотном дворе». А наши танки вырвались вперед и заняли дорогу, ведущую к Дятлицам.

В это время навестил Морозова командир взвода, лейтенант Раков, человек решительный и бесстрашный. Увидел он, как тяжело тащить Морозову пушку, дал ему двух лошадей.

Минут через десять догнали пехоту, пошли дальше в боевых порядках. Только доехали до поворота, как показался на дороге немецкий танк «тигр». «Тигр» яростно начал обстреливать нашу пехоту. Не успел Морозов выстрелить, а из-за леса на помощь «тигру» вышло еще немецкое самоходное орудие. До танка было метров четыреста, а до самоходного орудия — не больше полутораста. Решил Морозов, прежде всего, вступить в бой с самоходным орудием. Стрелял сам — и исключительно удачно: первый снаряд попал в ствол, второй — заклинил башню.

«Тигр» тем временем ввязался в бой с нашим танком

огонь по немцу. «Тигр» заметался на дороге, хотел уйти в лес, да поздно: снаряд попал в моторную часть. «Тигр» задымился, прошел к лесу метров двести, но потом остановился, и яркие снопы пламени озарили дорогу.

В ночь на семнадцатое января части было приказано занять Дятлицы. Десятиминутная артподготовка разбила немецкие дзоты, но, все-таки, первая атака нашей пехоты была неудачна. На прикрытии рубежа остался Морозов со своей пушкой.

Ночь была темная, падал снег. Над непроглядным простором январской ночи, прорезая наплыв тьмы, взлетали к облакам немецкие осветительные ракеты.

Немцы контратаковали на этот раз мелкими группами. Морозов перехитрил фрицев. Не щадя себя и людей, он все время передвигал пушку с одного места на другое. Бураков, стрелявший из автомата, тоже непрерывно менял позицию, и немцам казалось, что рубеж прочно прикрыт.

Кончилась трудная ночь, а утром, после новой артподготовки, пехота стремительно пошла в атаку и заняла Дятлицы.

И снова, быстро обогнув пылающие улицы, ушла вперед пушка. В полукилометре от Дятлиц, Морозов открыл огонь по дзоту, задерживавшему продвижение нашей пехоты. Но на этот раз на помощь дзоту пришла немецкая батарея, стоявшая на переднем крае вражеской обороны. Снаряды рвались вблизи огневой позиции орудия сержанта Морозова. И в ту самую минуту, когда Морозов выстрелил, совсем неподалеку разорвался снаряд. Во все стороны разлетелись осколки. Морозов почувствовал вдруг, что теряет сознание — и упал на снег. Он был ранен в ногу и шею. С трудом отполз Морозов от пушки.

Лейтенант Раков, видевший, как был ранен Морозов, подбежал к орудию.

— За боевого командира, за товарищей, — огонь! — крикнул Раков.

С первого же выстрела он уничтожил немецкий дзот. Но Морозов уже этого не видел: он потерял сознание. В тот же день эвакуировали Морозова в Ленинград, а через несколько дней мастеру прямой наводки Тимофею Ивановичу Морозову было присвоено звание Героя Советского Союза.

★

ДОРОГА В ПЕТЕРГОФ

Петергоф всегда любили ленинградцы. Созданный петровой волей на мглистом балтийском взморье, город этот хранил в веках память о великом преобразователе России.

Знамениты петергофские фонтаны, с их статуями, особенно огромная фигура библейского богатыря Самсона. Эта статуя была установлена в Петергофе в память Полтавской победы 1709 года, одержанной Петром в день св. Самсония.

В 1715 году, через несколько месяцев после гангутской победы, приказал Петр строить большой дворец «в Питергофе полатки зделать, также канал до моря выкопать».

Велико значение Петергофа, как одного из ключевых пунктов на подступах к Ленинграду. Много лет тому назад рассказывал мне петергофский старожил, как в дни прошлой войны с немцами русской контрразведке удалось арестовать здесь немецких агентов. Петергофские дачевладельцы-немцы на дачах, расположенных у моря и на высотах, строили бетонированные площадки. Эти площадки предназначались для осадных орудий, которые немцы предполагали установить, если бы удалось высадить в районе города морской десант. Давно уже подбирались немцы к Петергофу и его богатствам. В 1941 году немцам удалось захватить Петергоф.

И вот сегодня на Петергофском шоссе работают саперы. Они извлекают из-под земли немецкие мины, собирают взрывчатку, брошенную врагом при поспешном отступлении. Многие из саперов проходили свою первую боевую школу в дни финской войны, и теперь — это искусные мастера своего трудного дела. Есть особенное благородство в труде сапера. Хороший сапер — самоотверженный боец и неутомимый труженик. Он первым начинает очищение советской земли от фашистской скверны.

на несколько километров. Многие сотни мин извлекают саперы за день, и вот уже нет больше немецких минных полей — снежное, чистое поле тянется от берегов залива до передовых рубежей отвоеванной нами родной земли.

Передний край немецкой обороны шел вдоль трамвайной линии. Вот надпись: «Остановка». Здесь останавливался когда-то шедший из города в Стрельну трамвай. Искалеченные, изрешеченные пулями, пробитые осколками снарядов трамвайные вагоны стоят там, где застал их бой в дни немецкого наступления 1941 года. Вдоль шоссе на многие километры тянутся заборы с маскировочными сетями. В некоторых местах эти заборы обтянуты содранным с крыш железом. Землянки, как кротовьи норы, вырыты в насыпи вдоль шоссе, и вход в них — прямо из канавы. Невесело жилось фрицам на ленинградской земле!

На пригорках и в оврагах, в перелесках и лощинах, всюду, где можно было хорошо замаскировать укрепления, мы видим разрушенные немецкие доты и дзоты, сильно укрепленные позиции немецких артиллерийских и минометных батарей. Мощные доты в овраге за Стрельной сделаны из железобетонных блоков.

Не узнать знакомых ленинградских пригородов! Все искарежено, искалечено, разбито, изуродовано немецкими злодеями. Взорваны мосты, сожжены дома, в пожарища превращены целые улицы, вырублены аллеи старых липовых парков. Такого массового уничтожения культурных ценностей не знала история. Тысячи дикарей-людоедов прошли с факелами, справляя здесь свой кровавый пир.

Страшны следы разрушения, которые мы видели в Лигове, Стрельне, Володарском, в поселке Ленина и многих других местах, но какой болью сжимается сердце, когда видишь руины Петергофа!

Город кажется вымершим, словно здесь прошла чума.

Возле немецкой комендатуры валяется сорванная кем-то желтая доска. На ней черными буквами по-русски и по-немецки написано: «Объявление местной комендатуры. Кто вывешенное объявление немецкой вооруженной власти обрывает или повредит, будет застрелен». И всюду — угрозы, всюду одна расправа — расстрел, всюду одна кара — смерть. Пустыней, черным пожарищем стал Петергоф...

★

ГАТЧИНСКАЯ СЛАВА

Гатчина в системе обороны немцев под Ленинградом являлась основным узлом сопротивления. Здесь враг сопротивлялся с особенной яростью. Гатчина — узел коммуникаций. Взяв Гатчину, наши войска выходили на два направления: Псковское и Нарвское. В Гатчине у немцев имелась мощная артиллерийская группировка, сильный гарнизон.

Я приехал в часть, когда она вела бой еще за деревню Тайцы. Только что пришла весть о том, что Верховный Главнокомандующий объявил благодарность войскам фронта. Эту весть передавали по цепи подносчики патронов, о ней говорили агитаторы, она вдохновляла бойцов. Сержант Малахов одним из первых ворвался в дом на окраине Тайц. Едва он успел войти в дом, как немцы пошли в контратаку. Один в течение четырех часов отбивал Малахов непрерывные контратаки противника.

Отбросив немцев к реке Ижора, наши подразделения мелкими группами начали просачиваться сквозь линию немецкой обороны. В этих схватках многое зависело от дерзкого и своевременного почина бойцов. Старшина Венедиктов, собрав группу бойцов, повел их к стыку дорог, угрожая немцам обходом с фланга. Враг сразу отошел — боязнь окружения становится теперь манией немецких солдат и офицеров.

Впереди шли коммунисты. Была минута на одном из подступов к реке Ижоре, когда дрогнули наши бойцы. Натиск немцев был яростен, ураганный огонь немецких орудий и минометов не смолкал ни на мгновение. И вот, в эту решающую минуту боя, парторг Сологуб и комсорг Кустов поднялись во весь рост. Сологуб громко крикнул:

— Нельзя отходить с этой земли, политой нашей

Ленинград!

Сквозь грохот разрывов, сквозь вой мин, сквозь немолчный треск выстрелов, дошли до бойцов эти слова — и решительным штыковым ударом была сломлена ярость немецкой контратаки.

Коммунист Волков совершил в бою за Гатчину благородный подвиг.

Перед деревней немцы выстроили мощный дзот. Непрерывный огонь вели они из этого дзота. Под таким огнем нельзя было и головы поднять. Тогда Волков принял решение, о котором с глубокой благодарностью и восхищением говорят бойцы. Взяв ручной пулемет, Волков поднялся и один пошел на немецкий дзот. Немцы перенесли огонь на Волкова и это дало возможность группе бойцов обойти дзот с фланга. Волков был убит, но одна из последних преград на подступах к Гатчине была взята нами.

Вскоре бойцы вышли на окраину города. Горели дома в ближних кварталах. Улицы были безлюдны, дым тянулся над ними. Стоило только бойцу выдвинуться на середину улицы, как сразу его осыпали градом пуль немецкие автоматчики.

Это был уже не первый город, в который вступали воины Ленинграда. Здесь было то же, что видели они и в других освобожденных от немцев городах — взорванные здания, пожары, трупы замученных фашистами людей, брошенное врагом оружие...

Бой затихал... Вот мелькнула за домом какая-то небольшая фигура в платке. Старая женщина с хлебом и солью подошла к бойцам. За ней вышла вторая женщина с худенькой девочкой. Увидев бойцов, услышав родную русскую речь, девочка зарыдала, кинулась к стоявшему возле нее нашему офицеру и стала целовать его руки. Она его называла папой и радовалась, и плакала, и причитала. У многих бойцов были слезы на глазах в эту минуту.

В Гатчине немцы систематически истребляли русских людей. В больнице отравляли больных, вливая им в вены яд. Ольга Федорова 46 лет и Ольга Герасимова 2 лет, Георгий Демидов 58 лет и Мария Архипова 11 лет и десятки, сотни других погибли от яда.

У входа на базар стояли виселицы. По нескольку дней не убирались трупы повешенных немцами партизан.

тени, ложившиеся от виселиц на снег безлюдных гатчинских улиц.

В ряде мест немцы сжигали людей. В одном из немецких застенков в Гатчине мы видели труп замученного и сожженного красноармейца с изрезанным лицом, со страшными ранами на теле.

Кончилось хозяйничанье немцев в Гатчине! Час освобождения настал!

С падением Гатчины ленинградская битва приобрела еще больший размах, наши войска вышли на широкий оперативный простор.

*

ЛЕНИНГРАДСКИЙ САЛЮТ

Мы долго ждали этого дня, мы верили, что он придет. В пору самых трудных испытаний, выпавших на долю нашего великого города, мы знали, что настанет день, и расцветится разноцветными ракетами ленинградское небо.

И этот день настал, гремят над Невой торжественные залпы трехсот двадцати четырех орудий, и здания сотрясаются от грохота, и дым плывет над мостами, и разноцветные ракеты в небе. Люди проходят по набережным и площадям с гордой уверенностью победителей.

Двенадцатидневные напряженные бои привели к великой победе. Ожесточенные схватки теперь идут далеко за Красным Селом, Ропшей, Урицком, Павловском, Мгой, Ульяновкой, Гатчиной. Все дальше на запад и юг уходят ленинградские полки.

Радостен этот незабываемый час! Женщины подымают на руки малышей, и к яркому небу тянутся руки детей, которые никогда уже больше не услышат разрывов вражеских снарядов.

Набережные Невы не раз расцвечивались торжественной иллюминацией и праздничным светом ракет, не раз слышали гордый раскат артиллерийских салютов. Славный преобразователь России Петр Первый торжественными салютами крепостных пушек отмечал здесь победы русского оружия. Дни, когда «над Невою резво вьются флаги пестрые судов», когда «Нева пальбой тяжелой далеко потрясена», когда, побеждая сурового врага, озаряется новой честью русский штык и русский флаг, воспеты нашим величайшим национальным поэтом. Над Невой в октябрьскую ночь 1917 года прогремел выстрел «Авроры». В довоенное время ленинградской традицией стала праздничная иллюминация стоявших на Неве кораблей. И вот снова

ское небо.

Только что приехавший с фронта офицер вспоминает, как он несколько дней назад захватил артиллерийские позиции врага. Стволы тупорылых пушек были устремлены на дома нашего города. С презрительной брезгливостью осматривали бойцы эти позиции, где на щитах цветными карандашами были нанесены цифры для стрельбы по жилым кварталам Ленинграда.

Не будут больше бить по Ленинграду немецкие пушки. Все громче раскат славящих победу орудий.

Торжественный салют гремит в честь все испытавшего пехотинца, идущего по снежному русскому полю в передовой цепи наступающих полков; в честь сапера, взрывающего вражеский дзот; в честь артиллериста, бьющего прямой наводкой по немецким танкам; в честь танкиста, идущего в обходной рейд по вражеским коммуникациям; в честь всех освободителей родной ленинградской земли!

★

КРАСНЫЙ ФЛАГ

Поздно ночью мы лежали на снегу перед северной окраиной Кингисеппа. Всего сто метров отделяло нас от первых зданий города. Командир полка Тузов показал на высокое здание за железной дорогой: там он жил до войны.

— Квартиры не жаль, жалко, что мои книги немцы, должно быть, сожгли...

В темноте боец прошептал, выползая вперед:

— Избу взорвали!

Кто-то усмехнулся:

— Какая изба! Да это же «тигр» немецкий подбитый.

...Совсем немного дней прошло с того часа, когда бойцы этого полка ринулись на прорыв вражеской обороны под Ленинградом. Автоматчики старшего лейтенанта Фролова за две недели боев нанесли огромный урон противнику, заняли с боями несколько населенных пунктов, истребили много немцев.

На снегу лежит старший лейтенант Туровец. Он — артиллерист, привыкший огнем и колесами сопровождать пехоту. И сейчас он пришел к пехоте, чтобы выкатить орудия к передовой цепи наступающих бойцов.

...Немецкие ракеты взлетали над снежным полем, по которому стремительно перебегали наши пехотинцы. Бойцы залегали на снег, пережидали немного и потом, когда на время стихал шквал немецкого огня, снова бросались вперед. Полк наступал на главном участке немецкой обороны, а в это время с фланга наносили удар танкисты.

Танки подполковника Ковалевского с десантом автоматчиков прорвались на окраину Кингисеппа. Десантники, выбивая немцев из домов и опорных пунктов, поддерживали танкистов, танкисты, расстреливая в упор врага, помогали автоматчикам пробиваться вперед. Танк лейтенанта

гисеппа. Два «фердинанда» вели по нему огонь, и об
были подбиты Ягуповым. Две противотанковые пушки о
расстрелял прямой наводкой и ринулся к берегу реки, вс
уничтожая и сокрушая на своем пути.

С яростью дрались и другие танкисты. Две противотан
ковых пушки и до взвода немецкой пехоты уничтожи
младший лейтенант Середа, до взвода немецкой пехоты
истребил лейтенант Бондаренко, младший лейтенант Ершо
подбил «фердинанда». В это время и автоматчики вышли
к реке. Вскоре пути отхода немецкому гарнизону Кинги
сеппа были отрезаны.

Когда еще шел бой за одну из центральных улиц города
боец-автоматчик увидел красный флажок возле низенького
черного от копоти и дыма, деревянного дома. Автоматчик
знал, что впереди не было еще ни одного нашего бойца
Кто же вывесил этот флажок? Пробираясь возле стен
прячась за развалинами зданий, автоматчик вышел к дому
Старая женщина с измученным, усталым лицом, радостно
приветствовала его. Это она, встречая советских воинов
водрузила возле родного пепелища красный флаг.

★

НАРВСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Мы впервые слушали по радио на эстонской земле оперативную сводку Советского Информбюро. Нарвское направление! Так назван в сводке путь, по которому движутся сейчас наши наступающие части. Никогда не забудутся эти первые часы, проведенные на эстонской земле.

Мы идем к Нарове. Крутые обрывы берегов, светло-зеленые леса, дороги, над которыми пылает пламя пожаров, серые крыши строений... Это видны вдалеке предместья Нарвы.

По лесной дороге идет молодой офицер. Он узнает меня, и мне его лицо кажется знакомым.

— Где я встречал вас?

— А вы при прорыве в Н-ской дивизии не были?

— Был.

— Вот там, значит, и встречались. Я при ней — офицером связи.

Мы вспоминаем теперь обстоятельства наших случайных встреч на фронтовых дорогах, и он возбужденно говорит:

— Поверьте, с первого дня боев ни разу не отоспался как следует... Такие дела: все вперед и вперед...

Он закуривает трубку, лихо козыряет и быстрыми, легкими шагами идет дальше по лесной дороге. И у каждого бойца и офицера, которого встречаешь сейчас на берегу Наровы, такая же вдохновенная улыбка, такой же легкий, порывистый шаг.

Путь от реки Луга до реки Нарова — пример стремительного броска вперед. В одном из селений немецкий гарнизон полагал, что наши наступающие части еще далеко, и немцы спокойно уселись завтракать, — мало того, что шнапс выпили, еще и патефон завели... И русских солдат, ворвавшихся в избу, где развлекались фрицы,

немцам бросить на пол оружие и поднять руки вверх.

Нарвское направление — это боевая слава многих сотен наших людей. Это — офицер Новохатько, батальон которого за несколько минут атаки уничтожил больше сотни немцев. Это — лейтенант Кузнецов, тяжело раненный в левую руку и не уходящий с поля боя. Окровавленный, в набухших кровью повязках, с лицом, сведенным судорогой боли, он ведет вперед свое подразделение. Это — писарь Михайлов, первым поднявшийся в атаку и в неравном уличном бою истребивший восемнадцать немцев...

Из уцелевших изб, из лесов, из болотного кустарника выходят русские люди с усталыми и, как хорошо сказал один из бойцов, словно поседевшими глазами. Эти люди улыбаются, жмут нам руки, говорят ласковые, ободряющие слова, но голос их еще тих и в походке их нет легкости и уверенности. Они всего несколько часов назад были освобождены нами, и все еще кажется им счастливым сном это светлое утро освобождения.

★

ПУТЬ ПОЛКА

В феврале 1944 года, когда наши части заняли восточный берег реки Наровы, я впервые встретился с подполковником Наумовым. О замечательном этом офицере мне приходилось уже слышать раньше, и как-то быстро подружились мы с ним в суровые февральские дни и о многом переговорили в долгие зимние ночи в тесной землянке на переднем крае.

Курский рабочий, донецкий шахтер, преподаватель военного училища в Свердловске, — Наумов прошел большой путь, много испытал и повидал на своем веку, и ранняя седина, как знак житейского опыта, накопленного за многие годы упорного труда, посеребрила его виски. Первые месяцы войны Наумов провел на строевой работе в тылу. Долго пришлось хлопотать, пока разрешили отправиться на фронт, но Наумов знал, что его место — в боях, и добился своего. Он прибыл в часть еще в те дни, когда полк держал оборону в районе Ораниенбаума.

В морозный февральский вечер 1944 года мы сидели с Наумовым в его землянке. В эту пору здесь собрались офицеры полка. Пришел двадцатичетырехлетний начальник штаба майор Каплиев, накануне представленный в подполковники. Его худощавое лицо чуть тронуто загаром, и как ни старается Каплиев держаться важно и рассудительно, что-то мальчишеское есть в повадке молодого майора. И, ласково подтрунивая над ним, рассказывает Наумов, как трудно Каплиеву сдерживаться в бою, — порою юноша теряет свою обычную рассудительность и с автоматом бросается в самую гущу схватки.

В давние годы отец Каплиева на быстрых казацких конях проскакал по многим дорогам гражданской войны. Видывал в бою лихого рубаку прославленный комдив Семен Тимошенко. Всегда, бывало, носил старый Каплиев

вернулся в родные края инвалидом, на деревянной ноге. Подарил ему Тимошенко пару добрых коней, холил и берег их старик пуще глазу. Пришла новая война, сын ушел сражаться, а сам Каплиев остался хозяйничать дома — не брали одноногого в строй. Пришли в село немцы, разорили станицу... И ушел тогда Каплиев в лес партизанить.

Каплиев рассказывает об отце с гордостью, — видно, крепко запали в сердце его давние отцовские рассказы. А военных наград у молодого Каплиева уже больше, чем у лихого конника гражданской войны.

... Вечер был морозный, с потолка дуло, где-то неподалеку рвались снаряды. На карте, которую рассматривал Наумов, красным кружком была обведена Нарва. Мы находились теперь на старых петровских рубежах... И долго говорили в ту ночь о давних и нынешних днях, о кровной связи минувших веков России с нашим временем...

В землянку пришло еще несколько молодых офицеров. Один из них вспомнил песню, полюбившуюся ему с давней поры:

Шел с гитарой звонкою парень молодой.
Кто не знает прелести тех ночей волнующих,
Разговоров с девушкой в парке над рекой?
Шел с гитарой звонкою парень молодой.

Этот насмешливый, спокойный юноша в бою преображается, становится яростным и строгим. Страшное горе навсегда обожгло его душу. Семья его погибла в дни немецкой оккупации Украины, отца немцы повесили, мать умерла от голода и горя.

В одной схватке он был дважды ранен.

— Почему не вышли из строя? — спросил после боя Наумов.

— Жалко было уходить, товарищ подполковник. Мои две роты немцев обошли, и уж самому хотелось вокруг врага узелок завязать...

В землянке было тесно, с потолка все время сыпалась земля, на чемодане стояли три свечи, при тусклом их свете Наумов просматривал бумаги и подписывал наградные листы.

На доске, которая лежала на полу, был собран ужин. Только сели ужинать, как вошли в землянку прибывшие из резерва командиры, — они получили назначение в роты. Наумов их пригласил к столу, вернее, усадил за доску, угостил ужином, подробно объяснил, что предстоит ка-

ждому делать в ближайшие дни. Один из новоприбывших офицеров еще ни разу не был под огнем и чистосердечно в этом признался. Наумов по-отечески наставлял его, учил, как следует вести себя в бою, и рассказал о боевых делах полка в дни недавнего наступления.

Полк начал свой славный путь, наступая из района южнее Ораниенбаума. С волнением вспоминает Наумов о первых часах боев, решивших успех всей операции.

Кавалер ордена Александра Невского капитан Белов первым в полку повел свою роту в атаку у деревни Новое. Удар его был стремителен, он сразу захватил опорный пункт, уничтожил 70 немцев, взял 6 человек в плен и смело ринулся дальше. Через час после начала боя пошли в контратаку три «тигра» и до роты немецкой пехоты. Немцы вышли во фланг роте старшего лейтенанта Раменцева. Пехотинцы Раменцева сожгли один танк, второй подбили, а третий бежал — ушел задним ходом, так как боялся развернуться. Новую контратаку Раменцев отразил еще решительней. Он приказал всей роте залечь за бугром. Танки и пехоту врага подпустили поближе — и потом встретили огнем всех видов.

Дважды раненный, Раменцев продолжал вести бой. Выдыхались одна за другой контратаки усиленной «тиграми» немецкой пехоты. Рота продолжала наступать, и долго еще, оглядываясь, видели бойцы, как пылали подожженные ими тяжелые вражеские танки.

А сержант Жибарев, молодой разговорчивый парень, в это время пробрался к немецким окопам. Метрах в ста от первых немецких траншей были глубокие воронки — в одной из таких воронок и примостился Жибарев со своим станковым пулеметом и с верным боевым другом Шестаковым.

Немецкий станковый пулемет, бивший из укрытия в траншеях, и немецкая пушка, находившаяся неподалеку, вели сильный огонь. Продвижение батальона задержалось. Жибарев вступил в неравный бой с пушкой и пулеметом. Несколькими очередями он уничтожил прислугу пушки и расчет пулемета — семь немцев, один за другим, упали в траншеи. Немецкий огонь смолк.

— Гляди-ка, гляди-ка, наши уже в траншеях, — закричал Шестаков. — Если б не ты, долго бы пришлось до них добираться.

Он восторженно бросился к Жибареву, обнял его, рас-

целовал, и через несколько минут пулеметчики уже были в траншеях.

Местом серьезных боев стали Дятлицы. В бою за Дятлицы отлично действовали разведчики. Они с хода ворвались в деревню, когда в ней еще находились немцы. Немцы вели огонь из церкви. Разведчики стали обходить дом за домом. Увидев, что наших бойцов немного, фашисты сразу полезли в контратаку. Схватка была неравная. Разведчики все же отбили контратаку и двух фрицев захватили в плен.

Выполнив задание, разведчики отошли. В этом бою отличился разведчик Вижнаткин — до войны слесарь завода «Электроаппарат».

— Ну, как немцы дерутся? — спросил лейтенант Иванов, принимая от Вижнаткина пленных.

— Мандрашки у них трясутся, — с задором ответил Вижнаткин. — И на самом-то деле: перетрусили фрицы, с двенадцатью разведчиками не сумели справиться...

Данные этой разведки Наумов оценил по-своему. Для него стало ясно, что Дятлицы обороняет сильный немецкий гарнизон. Командование соединения приказало овладеть Дятлицами.

Наумову были приданы танки. Наступая вдоль дороги, полк с тыла прорвал оборону противника, подошел к деревне. В Дятлицах был сильный гарнизон, до двенадцати «тигров», много артиллерии. Атака с ходу успеха не имела. Пришлось провести сильную артиллерийскую подготовку. Первыми ворвались в деревню автоматчики старшего лейтенанта Климентьева. Они сразу захватили несколько домов у церкви, а в это время главные силы полка, наступая справа, заняли деревню.

После Дятлиц наше наступление стало еще стремительней. Все дальше на запад уходили боевые дороги. Уже много знаков солдатского ордена Славы красовалось на зеленых гимнастерках бойцов.

На рассвете батальон ворвался на опушку леса. Немцы отходили, отстреливаясь. И вдруг, когда стрелки перебегали между деревьями, вышли из засады три немецких танка. Впереди всех наступающих бойцов был в эту минуту сержант Жибарев. Жибарев вступил в единоборство с врагом. Взяв несколько противотанковых гранат, он по-пластунски пополз навстречу танкам. Снаряды рвались на лесной опушке, снегом и землей несколько раз засыпало Жибарева, но он полз навстречу идущему полным ходом

танку. Взвихривая снег, громыхая гусеницами, все приближался «тигр». Приподнявшись, изловчился Жибарев и бросил гранату в гусеницы. Танк сразу остановился. Жибарев метнул гранату во второй танк, но в это время с фланга вышел третий «тигр». Герой-пулеметчик погиб под гусеницами, но долг свой выполнил до конца: внезапное нападение немецких танков было отбито.

Наступление продолжалось — от Дятлиц прошли уже двадцать километров. В роте готовили десант автоматчиков и пулеметчиков, который должен был на танках ворваться в занятую немцами деревню.

На одном из головных танков стоял пулеметчик Крючков. Когда танки дошли до деревни, Крючков начал вести огонь по перебегавшим немцам. До сотни немцев убил он. Осколком немецкой мины был пробит кожух пулемета и вытекла жидкость. Крючков был смертельно ранен и все-таки продолжал вести огонь, пока не упал.

Прорыв расширялся. Разведчики вырывались вперед, устраивали засады. Сорви-голова, отчаянный и решительный боец Осипов, которым гордилась вся полковая разведка, с группой в семнадцать человек, по обходным тропам вышел к перекрестку дорог в немецком тылу и навязал бой большому отряду вражеской пехоты, усиленному танками и мотоциклистами. Не меньше ста немцев уложила группа Осипова в этом жестоком бою.

На подступах к небольшой деревне узнал майор Полстяной, что где-то в лесу немцы с «тигра» корректируют артогонь. Нужно было немедленно вывести этот танк из строя. Стал думать Полстяной, кого следует послать в рискованную операцию, и решил, наконец, что лучше Никиты Дробного никого не найти.

Никита Дробный — очень смелый и решительный, а главное — смекалистый боец, и любит все, что требует риска,—но и рискует он по-особенному, по-своему, по-«дробному», как говорит сам, и на шутку всегда умеет ответить молодецкой веселой шуткой. Как раз в то время, когда Полстяной собирался его вызвать, Дробный подошел к майору.

— Я тебя вызвать хочу на одно дело, только, понимаешь, очень рискованное, — сказал Полстяной.

— Какое дело, товарищ майор?

— У деревни стоит «тигр». Вот нужно его вывести из строя. Дам я тебе помощника надежного, пять гранат противотанковых. Справишься?

— Справлюсь!

— Кого хочешь взять с собой?

— Дайте мне такого человека, чтобы не кашлял и не чихал, чтобы еле дышал.

— Он подходит? — спросил Полстяной, показывая на одного из бойцов.

— Нет, не подходит, у него грипп.

— А сосед его?

— Тоже не годится: чихает часто... чего доброго, подведет еще нас... К немцу надо бесшумно подкрасться...

Нашли, наконец, бойца, который показался Дробному подходящим товарищем для такого серьезного дела.

— Справишься? — еще раз спросил Полстяной.

— Справлюсь! Сам бывший танкист.

И пополз Дробный со своим помощником по снегу...

Подобравшись неприметно к танку, Дробный открыл люк («ума не приложу, как сумел это сделать», рассказывал впоследствии Полстяной, вспоминая о подвиге Дробного) застрелил из автомата танкистов и пошел назад. Доложил обо всем Полстяному. Полстяной говорит:

— Не верю!

— А что надо, чтобы поверили?

— Трофей какой-нибудь покажи.

— Пожалуйста, — говорит Дробный. — Документы брать некогда было, а вот вам рация, снял ее с танка.

Действительно, сомнений не было. Он притащил два тяжелых ящика: передатчик и питание рации.

Радостны были те дни. Вернулся с группой разведчиков Осипов, привел 20 пленных немцев, донес, что две сотни немецких трупов валяются на дороге, где только что закончился бой. Казалось бы самое время теперь отдыхать, а никто спать не хочет.

— Беда с ними, — сокрушался командир разведки Иванов, — еле ноги дотащили, а спать не ложатся, занимаются своими делами.

— А какие у них дела? — спросил я.

— Письма пишут домой, а если иным писать некому, начинают в жучка играть — игра эта требует сноровки и большой физической силы. А физическую силу особенно уважают разведчики, очень она им в бою требуется.

Наумова радовали боевые успехи части. Недаром столько сил отдал он учебе перед боями...

Решительный в бою, Наумов всей силой своей страст

ной души чувствует человеческое горе. Под деревней Голубовицы, на пожарище, увидел он сани, груженные жалким домашним скарбом, уцелевшим после пожара. Волокли эти сани два плачущих человека: дряхлый старик с трясущейся головой, с опаленной пламенем бородой и крохотный мальчик в картузе. Наумов подошел к ним, но говорить был не в силах, так тяжело было ему видеть горе этих беспомощных людей...

В одной деревне освободил он из плена шестьдесят семей. Поутру к нему явились спасенные, стали благодарить, жать руки, целовать, плакали от радости.

— Поговорил я с ними и еще больше расстроился. Вижу, тяжело на нервную систему влияет — приказал заместителю с ними беседовать. Сам никак не мог успокоиться — все казалось, что мало еще за слезы и за кровь ихнюю отомстил. И хоть к тому времени уже не одну тысячу немцев истребил мой полк, — все в сердце мое стучало: «мало, Наумов, мало!».

Продвигаясь вперед, полк вышел к рубежам реки Луга. Отсюда было уже недалеко до реки Наровы. Разведчики доносили, что немцы готовятся упорно оборонять эти рубежи, прикрывающие подступы к эстонской земле.

Вернулся из разведки Осипов с товарищами, тяжело раненный, но принес ценные сведения. С ним приключился в этой разведке удивительный, совсем сказочный случай. Ворвался Осипов с разведчиками в деревню, но немцам удалось отбить нашу атаку. Разведчики отошли, унесли раненых, а убитые остались на улицах. Среди убитых лежал без сознания раненый Осипов. Немецкий офицер, проходя мимо трупов, обратил внимание на Осипова, у которого на руке было золотое кольцо. Немец решил проверить, жив ли Осипов, выстрелил в него, легко ранил. От этого выстрела Осипов пришел в сознание и, как он сам насмешливо говорит, «почувствовал в себе большой прилив сил». Кстати, нужно сказать, что Осипов — бывший беспризорник. И вот, пока немец снимал с левой руки Осипова кольцо, Осипов вынул у немецкого офицера из кобуры парабеллум и убил мародера. Много было в полку разговоров об этом случае, и больше еще укрепились все бойцы в своем убеждении, что Осипов самого хитрого немца перехитрит.

Тридцать первого января были вручены офицерам полка боевые награды. В этот день полк получил при-

Кейкино — узловым пунктом немецкой обороны на подступах к Эстонии. Наумов понимал, как ответственна эта задача, и гордился доверием командования, вывед-шего полк на направление главного удара.

Он выслал вперед разведотряд Ермакова, а затем приказал развернуться батальонам. Кейкино было теперь совсем близко. Вся артиллерия полка вела огонь прямой наводкой. На реке немцы встретили ураганным огнем — тяжелые батареи били издалека — из-за Нарвы. Однако полк ворвался в Кейкино. Только расположились в домах, как немцы пошли в контратаку. Шли с двух флангов два батальона, обтекали деревню и выходили к реке. Контратаку отбили с большими потерями для немцев. Ночью сильный отряд врага, человек около трехсот, снова бросился в контратаку на Кейкино; этот важный опорный пункт был ключом к нарвским позициям. Бой длился 45 минут. Немцам удалось овладеть только двумя сараями да сжечь на поле стог сена. Потеряли они до 150 человек убитыми и 20 человек пленными. Во все время боя немецкая тяжелая артиллерия вела ураганный огонь по Кейкино. Днем 1 февраля несколько десятков немцев неожиданно выбежали из леса, сбили охранение, захватили пять домов на окраине деревни и подбежали к избе, где помещался штаб батальона. Командир батальона ударом кулака вышиб оконную раму, выскочил в окно, собрал бойцов, бросился с ними на вбежавших в избу немцев и захватил в плен. Пленные показали, что шли они от Усть-Нарвы узнать — сколько русских в Кейкино, а следом по льду шли две отборные офицерские роты. Из этого отряда было убито 50 немцев, бежало два и трех захватили в плен. К вечеру 12 немецких пулеметов и 2 немецких орудия были поставлены нами для отражения немецкой контратаки. Ночью немцы снова пошли в контратаку, обстреливали село с левого фланга, двигались мелкими группами к селу, а большими — к лесу. Артиллерийским огнем было уничтожено около 150 немцев, а уцелевшие стали удирать.

В боях за Кейкино Наумов нанес огромные потери немцам, — не меньше тысячи вражеских трупов осталось в деревне и на подступах к ней.

Один из пленных немецких солдат оказался голландцем-фашистом. Допрашивая его, Наумов спросил:

сделала?

Удивленный этим прямым вопросом, голландец испуганно посмотрел на Наумова и тихо ответил:

— Мне самому Россия ничего плохого не сделала, но я слышал, что большевики хотят завоевать Голландию.

У этого «защитника» Голландии от большевиков нашли награбленные им в русских деревнях вещи — он оказался обычным фашистским уголовником.

В Кейкино погиб один из лучших офицеров полка — капитан Гадаев. С большой теплотой вспоминает о нем Наумов.

— Я видел, как человек идет на металл, да не на металл, на гору движущегося металла! Он бросился отбивать атаку, подбежал к танку, именно не подполз, а подбежал. И вот я вижу потом, сам вижу из окна избы, как Гадаев бросает противотанковую гранату в танк. Гадаеву было лет 40. Ему трудно было быстро бежать, но он, видно, собрал все свои силы. И вот, он в упор бросает гранату в танк, танк загорается, но по инерции еще идет — и прямо на Гадаева. Гадаев не успевает отвернуться, и пылающий танк наезжает на него... Так я потерял этого замечательного офицера.

От Кейкино полк вышел с боями к берегу Наровы. Здесь-то, в первые часы, когда мы вступили на эстонскую землю, и встретился я с Наумовым. Помню раннее февральское утро, когда мы с Наумовым обходили траншеи переднего края на самом берегу Наровы.

Уже светало, немецкий берег хорошо просматривался. Там ходили какие-то машины, а, если внимательно вглядеться, то были видны и отдельные передвигающиеся немцы.

В это время наши самолеты пролетали над немецким берегом. Немцы вели по ним сильный зенитный огонь. Один из самолетов, искусно лавировавший между дымками разрывов, полетел к нам, низко пронесся над деревьями. Бойцы оживились, бросали вверх шапки, приветствовали летчика.

Наумов подошел к бойцам в траншее.

— Ну, как дела? —спросил он.

— Скорее бы в Нарву, товарищ подполковник, — ответил боец, — а то ноги мерзнут.

Просто было это сказано, без рисовки, с милой русской усмешкой, а ведь каждый понимал, что такое путь по

ского сопротивления у ворот Прибалтики.

В одной из траншей собиралась группа захвата. Немолодой боец с седыми висками слушал особенно внимательно. Это был старый путиловский рабочий Шариков, парторг батальона, человек бесстрашный и решительный в бою. Ему 52 года, из них 25 лет отданы работе на Путиловском заводе. Когда офицер объяснял группе захвата боевую задачу, все говорили, один Шариков молчал. Но все бойцы ценили это молчание: «до дела ни слова не скажет, а дело начнется — первым будет!».

...За короткое время я сроднился со многими людьми в полку, и жалко мне было уезжать отсюда, с берегов Наровы, где столько славных подвигов совершили бойцы Наумова. И впоследствии, следя за газетными сообщениями, не раз я узнавал, что полк дерется отлично. А летом привезли товарищи известие о том, что награжден Наумов орденом Кутузова.

★

НА ЧУДСКОМ ОЗЕРЕ

Это было время, когда немецкие псы-рыцари шли покорять и онемечивать русскую землю, когда главным оружием в бою были меч и копье, а лучшей защитой в рукопашной схватке — щит. Это было время Александра Невского, Ледового побоища, великих русских побед над тевтонами. С того времени, с дедовской давней поры, псковская земля стала ратным полем.

Город на Великой с исстари был русской твердыней. Окруженный кострами и бойницами, — так называли когда-то псковичи крепостные стены и башни, — много раз отражал он вражеские нашествия. До Запсковья, до Полонища, до Завеличья доходили немцы и каждый раз откатывались назад под ударами псковичей. И вот теперь снова пылают пожары на льняной и сосновой Псковской земле...

* * *

Возле разрушенного дома, на пожарище старинной деревни, горит костер. Боец с автоматом зорко смотрит в мглистую даль серенького февральского дня и видит то же, что видел семь столетий назад его далекий предок, шедший здесь в разведку, или, как тогда называли, «в сторожу». Он видит озерный простор, синь перелесков, снеговые поля, запорошенные снегом березы, родную, милую, отчую русскую землю, за которую сражались его предки и за которую он теперь сражается сам.

Мы идем по льду Чудского озера. Когда, обернувшись, смотришь на остающийся позади берег, видишь развалины, пожарища, разоренные врагом города, села, деревни. Много выстрадал этот край за время войны, тяжелый удар врага принял! А вдалеке, на том берегу, где начинается земля советской Эстонии, если долго и внимательно

хающее зарево: это пылают эстонские села и деревни подожженные отступающими немцами.

По снегу тянется лыжня. Уходят вдаль бойцы, несущие дозор на озере. А дальше, за кромкой льда, начинается чистая вода. Нагромождения льда, кажущиеся издали воздвигнутыми на льду укреплениями, вздымаются над водой.

Здесь, на Чудском озере, в 1242 году, когда в морозный день взошло солнце и озарило снеговой простор, два войска встретились на льду, и затрещали булатные копья и зазвенели скрещенные мечи. И нынче бои продолжаются на старых рубежах Александра Невского...

...Нарва, Псков, Чудское озеро — рубежи, где рождалась Красная Армия. Двадцать шесть лет тому назад над Ленинградом прогремел сигнал тревоги. Гудели гудки на фабриках и заводах, ревели сирены, в грозный раскат многоголосого рева врывались гудки пароходов и стоявших на Неве кораблей, — население столицы оповещалось об угрожавшей городу опасности: немецкие полчища в эти дни начинали поход на наш город. В Смольном помещался Совет Народных Комиссаров, там работали Ленин и Сталин. Прошло немного часов, и при свете факелов колонны вооруженных рабочих и красногвардейские отряды в пеших походном строю двинулись к Смольному. По неосвещенному Суворовскому проспекту шли колонны, и гремели трубы оркестров, и реяли над отрядами боевые развернутые знамена. По призыву Ленина и Сталина вооруженные петроградцы шли на решительный бой.

На рубежах Нарвы, Чудского озера, Пскова снова были биты немецкие полчища.

Тот день Красная Армия считает днем своего рождения. С того дня ведется ее летоисчисление.

* * *

И вот на тех же самых берегах, где бил немцев Александр Невский, где петроградские красногвардейцы громили пруссаков, наши наступающие части завязали теперь новые бои.

Так на великой перекличке веков наше время подает свой голос славному прошлому России. И, уходя дальше по озерному льду, видя потухающие вдалеке отблески пожаров над дедовскими древними рубежами, слыша могучие раскаты советских орудий, — ясно чувствуешь все нарастающую силу нашего удара по врагу.

★

ЗОНА ПУСТЫНИ

За Кингисеппом начинается зона пустыни. Дорога на Гдов полна мучительных воспоминаний для того, кто знал до войны эти края, помнил милые старинные деревеньки, — как грибы вырастали они во мхах Приозерного края, на речных берегах, в смолистой прохладе сосновых боров.

От древних русских деревень и сел сохранились только названия, да кое-где стены и печи, — на десятки километров растянулось печальное пепелище. Боец-псковитянин пришел в родную деревню и увидел снежное поле на том месте, где стояли когда-то ладно построенные, богатые дома. Он мало говорит о своем горе, но в запавших глазах его такая печаль, что не решаешься расспрашивать и утешать его.

В мглистый февральский день мы увидели черное пожарище Гдова. Во всем городе сохранилось несколько домов. Над развалинами старинной крепости клубился туман, и собака с опаленной шерстью выла у брошенного хозяевами дома, возле груды кирпичей, занесенных снегом. В разрушенной немцами деревне Нароново, расположенной в восемнадцати километрах от Пскова, местные жители рассказали нам о том, как жгут и разоряют немцы русскую землю.

В этой деревне было тридцать семей, в ней жило 137 человек. Уже с прошлой осени стали чувствовать жители, что немцы замышляют свирепую расправу в Наронове. Места здесь безлесные, уйти некуда. Неподалеку от деревни кустарник, да тростник, да чахлые деревца. В кустарнике вырыли окопы, — так в глине и спали нароновцы, зарывшись в солому.

В 12 часов дня 28 декабря 1943 г. въехали в Нароново немецкие грузовики с солдатами. Спрыгнув на снег, обошли немцы деревню, посовещались о чем-то между

шам домов. Вскоре вся деревня уже пылала. Убедившись, что в деревне не осталось больше ни одного уцелевшего дома, немцы покинули Нароново.

Со слезами обходили пожарище старики, женщины и дети. От деревни остались только закопченные огнем стены домов да трубы печей. Единственным утешением было, что не нашли немцы ямы с картофелем, — иначе ждала бы всех нароновцев голодная смерть. Думали жители, что теперь миновала гроза, что больше не вернутся немцы на это пепелище. Не тут-то было! Через неделю, ранним январским утром, снова приехали в Нароново немцы на грузовиках. Снова обошли деревню, опять посовещались о чем-то и принялись взрывать стены сожженных зданий, стену за стеной, дом за домом...

Страшен этот правдивый рассказ. До такого дьявольского упорства в разрушении могли додуматься только немцы!

Уходя, немцы оставляли мины, отраву, смерть...

Возвращаясь из-под Пскова в Ленинград, я задержался на сутки в Кингисеппе, хотел встретиться с хозяином дома, в котором побывал в день боя за город. Хозяин был словоохотливый, много повидавший старик. Но не встретил меня он на этот раз, не скрутили мы с ним по самокрутке, не посидели возле печки. Накануне моего приезда в Кингисепп он умер от немецкой отравы... Во многих домах оставляли немцы запечатанные бутылки с ромом. Нашел старик такую бутылку, захотел попробовать рому и через несколько часов умер в страшных мучениях...

Проходя с бойцами по дорогам сражений, я видел столько человеческого страдания и горя, что его хватит на века... В Дятлицах немцы заживо сжигали русских людей. В Волосово немцы расстреливали мирных жителей в морозные январские ночи. В Ямсковицах немцы ножами убивали женщин и детей. Неподалеку от Гатчины, в психиатрической больнице, немцы ядом отравляли ни в чем неповинных советских людей. А на Псковщине — каждая деревня залита кровью.

В зону пустыни превратили немцы Псковщину. И уходят вперед полки, полные ненависти к врагу, и громят его на последних рубежах Псковской земли.

Январь — март 1944 г.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Утро первого боя	3
В дни победы	6
Мастера прямой наводки	11
Дорога в Петергоф	22
Гатчинская слава	24
Ленинградский салют	27
Красный флаг	29
Нарвское направление	31
Путь полка	33
На Чудском озере	43
Зона пустыни	45

Отделение Воениздата НКО
при Ленинградском фронте

Редактор *капитан П. Яцынов*

Корректоры: О. Ладышкина, А. Игнатьева

Г111699 Подп. к печ. 5.VII. 1945 г. Печ. л. 3. Зак.

2-я типография „Печатный Двор" им. А. М. Горького треста „Полиграфкнига" ОГИ
при СНК РСФСР. Ленинград, Гатчинская, 26.

Verk
P — 50